

Рассадин С.

30.7.94.

Нам уже не раз приходилось и рецензировать, и цитировать издания некогда мощного и плодовитого редакционно-издательского центра при Бюро пропаганды киноискусства. Потом— при Киноцентре, а теперь уж и не знаю как... Вышли последние книжки, за которыми — неужели тишина! Хочется верить, что нет.

И вот почему...
Культурный журнал № 30 (1994) с. 4

Книга Леонида Трауберга «Чай на двоих» — литературное завещание легендарного кинематографиста. Он и не успел увидеть свою работу в свете. Но успел внушить в ней с большой человеческой силой и правдой некритическую первый взгляд, но весьма существенную истину. А именно — свобода личного самовыражения безгранична, но строго ограничена лишь расстоянием до столь же безграничного самовыражения другой личности.

Уж, казалось бы, ему ли счи-таться с какими-то вполне бе-зобидными aberrациями памяти по отношению к Эйзенштейну либо Александрову, Ко-зинцеву или даже Чаплину? Ведь он и сам стоял у тех же истоков и вместе с ними заложил фундамент того, что мы называем теперь киноискусством. Вначале просто вызывает явное раздражение его скрупулезность в отмеривании четкой межличностной дистанции между собой и Черкасовым, собой и Чирковым... А затем, когда он с такой же щепетильностью определяет свою роль в становлении молодых Дунского и Фрида,— тут-то и про-бирает до костей благоговей-

ЧАЙ НА ТРОИХ

ное чувство человеческого благородства.

Вот достойный, подобающий ответ любителям сказать о близкими и дорогими великим теням! Но, впрочем, есть выход и для тех, кто хоть и не может этим похвастать, однако одарен пылким воображением, которое ничуть не хуже благородной строгости Трауберга. Все дело в чувстве меры, и это наглядно демонстрирует Алексей Спешнев в своих «Портретах без ретуши». Боже мой, какие здесь имена: Пудовкин, Пырьев, Погодин, Пастернак... Да, и Симонов, и Фадеев, и даже Сталин... О котором мог бы, да не стал особо распространяться Трауберг,— здесь представлены в законченных, элегантных новеллах памяти. Кто-то попеняет автору за чрезмерную цветистость слога, а кто-то поймет это как иную, чем у строгих документалистов, степень доверия читателю. И оба будут правы... Но и это еще не все.

Потому что третьим, и пока последним номером книгоиздательской программы Киноцентра (которая за недостатком средств вполне может завершиться этим на неопределенное время) стала «История актера моего поколения» Ст. Рассадина. Угадайте, о ком? Нет, не Ульянов и не Леонов, не Янковский и не... не... не... Их многое могло бы быть, типичных для этого и любого другого поколения. Но это, которое началось с Московского

фестиваля молодежи и студентов, прочно ассоциируется с «Убийством на улице Данте».

«То, что почтительная толпа (толпы) идет (ходили) за актером, исполнившим роль негодяя-мальчишки, который связался с фашистами, продал родного отца и уокошил собственную мать».

В этом, согласитесь, было что-то очень характерное для эпохи «оттепели», когда общество стало постепенно избавляться от одномерного, плоского взгляда на мир и на самих себя... А после этого была и есть богатая, разнообразная творческая биография Михаила Козакова — актера, чтеца, режиссера... Казалось бы, вполне благополучная. И вдруг — «Сейчас русский актер, православный христианин, работает в государстве Израиль»!

И разве это, в полном соответствии с логикой неповторимой судьбы, не заставило нас вновь увидеть теперь уже нашу эпоху более сложной и противоречивой, чем даже привыкли нас ее видеть сам герой книги? Словом, и это издание Киноцентра, как и два предыдущих, да и подавляющее большинство этих великолепных, не похожих друг на друга, симпатичных книжек — вновь открывает нам глаза в киномир.

Вот только не в последний ни раз?

И. СЕМИН.